

Сударушка - 1992 - 28 янв. - с. 11.

Век нынешний принес в нашу жизнь непостижимое деление на «физиков» и «лириков», должно быть не отдавая себе особого отчета в том, что в пределах одной личности могут мирно ужиться две эти ипостаси. А иначе не объяснить, что физик из физиков Эйнштейн неплохо играл на скрипке. По учебникам Римского-Корсакова постигают гармонию и прочие музыкальные премудрости студенты консерватории, однако и молодые люди в военных мундирах черпают знания по фортификации из книг, написанных той рукой, что писала партитуры «Садко», «Снегурочки»...

Подобным примерам нет числа. Журналистские пути-дороги сводили меня со многими людьми и, кажется, научили ничему не удивляться. Но узнав некоторые подробности жизни моего собеседника, я не просто изумилась, а была, честно сказать, потрясена, потому что передо мной сидел... живой классик.

Вряд ли есть в нашей стране взрослый человек, не знающий творчества Аркадия Райкина. Помните его знаменитое: «Моget

ки, еду в метро — то же самое, стою в очереди — не замечаю времени. Имея какой-никакой вкус, умея отличить «черное от белого», я понял, что стал писать стихи, и вроде бы они ничего. С пачкой листов прошелся по редакциям. Хвалили, но не печатали. Правда, два-три сатирических стихотворения опубликовали. А однажды во время болезни, продолжая сочинять, я взял в руки гитару, на которой с грехом пополам умел сыграть три аккорда. И вдруг понял: «Батюшки! Да это же песня получается!». Я не знал нот. Сам изобрел свою систему записи — «выдумывал велосипед».

— Но все же вам удалось выпустить пластинку? И это при том, что до недавнего времени пишущий должен был быть обязательно членом официального творческого союза, а иначе он «никто, ничто и звать никак», пусть хоть сочиняет не хуже Шекспира или Моцарта.

— Я всю жизнь был материалистом. Но после того что произошло со мной, стал верить в судьбу, предназначение и прочие

ФИЗИК + ЛИРИК

быть, может быть!» или популярнейшие монологи о воспитании: «Грубо говоря... сказать не решаюсь, а мягко выражаясь — нет слов!», или «Вот так мне кажется!», или «Кто стукнет, кто шмякнет, кто свистнет, кто звякнет — и все это называется воспитание». Так вот, придумал этот эстрадный шлягер вместе со своим однокашником — Николаем Анитовым — Александр Осокин, радиоинженер одного из московских институтов. Но познакомились мы с Александром Николаевичем совсем по другому поводу. У него вышла вторая пластинка, где он один в трех лицах — поэт, композитор, исполнитель.

— Ну композитор — это громко сказано. Я им себя не считаю.

— Как же получилось, что вы, человек с техническим уклоном, обратились к искусству?

— Надо сказать, что при своей инженерной специальности, которой очень дорожу и которую не собираюсь бросать, я всегда тяготел к тому, что называют художественным творчеством. Еще в стенах Рязанского радиотехнического института, где учился на факультете автоматики и телемеханики, я был активным участником СТЭМа (студенческого театра эстрадных миниатюр). Писал сатирические сценки, юмористические обозрения. Многие исполнял сам. И вот таким путем дошел даже до признания у Аркадия Исааковича Райкина.

— А как же песни? Видимо, вы всегда писали стихи, которые потом захотелось положить на музыку...

— Вовсе нет. Стихов вообще никогда не писал. Впрочем, бывали четверостишия в стенгазетах, как подписи под нарисованными мной карикатурами. Но писать стихи по-настоящему? Мне это даже в голову не приходило. Все началось после переезда с семьей в Москву в 1981 году. Однажды написал для маленькой тогда дочки — теперь ей уже 15 — какие-то стишки. И даже сам не понял, как это произошло. И вот: иду по улице — рождаются какие-то стро-

подобные вещи. Ведь каждый из нас — частичка космоса. И думаю, что тот отрезок, который мы, находясь на земле, называем словом «жизнь», возможно всего лишь часть какого-то неизвестного нам пока большого пласта бытия в разных формах.

— Вы верили в Бога?

— Для меня это очень серьезно. Я не хотел бы мимоходом говорить об этом.

— И все же, как вам удалось записать первую пластинку?

— Вы не поверите, но я могу сказать о себе словами Гая Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил». Я вошел в комнату, где заседал художественный совет Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия». Сыграл несколько песен. Меня попросили выйти, а через некоторое время позвали и сообщили, что будут писать пластинку.

И вот теперь — новый диск-гигант, где звучат 13 его песен. О чем они? О жизни. Так тесно переплелись в этих музыкальных историях любовь и воспоминания о юности, размышления о нашей непростой истории, утверждение ценностей, над которыми не властно время: честь, достоинство, совесть, долг, преданность в дружбе, верность.

На презентацию этой пластинки собрались и старые друзья Александра Осокина, и те, кто только недавно познакомился с ним и его творчеством. Среди прочих был признанный наш бард Александр Градский. И, отвечая на реплику ведущей об искусстве профессиональном и любительском, очень точно сказал, что есть только один критерий — «хорошо» и «плохо». А здесь, утверждал он, не просто хорошо, а очень талантливо.

Звучали на этом вечере и песни Александра Осокина, и слова благодарности, с которыми он обратился ко всем, кто помог выводу в свет его пластинки «Зыбкая моя опора». Никого не забыл он — от спонсора до администратора. И это было не пустой формальностью, а искренним движением души. Подумалось, что настоящий поэт тем

СУДАРЬ

В ГОСТЯХ У «СУДАРУШКИ»

и отличается от массы рифмоплетов, что поэтические строки выражают его человеческую сущность.

Замечательные песни пишет Александр Осокин, небольшие музыкальные новеллы, побуждающие слушателя размышлять о времени и о себе. Вот строки из песни «Белое и красное»:

Разве белый, облившийся кровью, — не красный?

Красный, кровью истекший, — он разве не белый?

— Зряшное это занятие — делить людей на «наших» и «не наших» — делится своими мыслями Александр Николаевич.

— В каждом, по-моему, надо видеть то хорошее, что есть в человеке. — на это и опираться, любить его надо, жалеть. Вообще считаю, нормальное состояние человека — не ненависть, а любовь.

— А какое место в вашей жизни занимает любовь не ко всему человечеству, а...

— Господи! Без любви бы я ничего не смог. Самое дорогое — это моя жена, моя единственная любимая женщина. Мы женаты вот уже 30 лет. Старший сын — врач, самостоятельный. У нас уже внуки. Но никак не потускнели наши чувства. Если честно, то из-за семьи я не посмел уйти со службы на, так называемые, «вольные хлеба». Потому что знал: моя обязанность — стабильно обеспечивать семью. А человек, если есть в нем искра Божия, все равно сойдет. В нашей неустойчивой сегодняшней жизни вернее, чем семья, не знаю ничего.

— Но есть ли что-то иное, кроме семьи, творчества, работы инженера, что дает вам в этой жизни устойчивость?

— Есть. Это заветы моего отца. Он всегда говорил мне: «Запомни, самая большая хитрость — это простота, лучше падать носом, чем духом, и что бы ни случилось — работай!» Так вот я и живу, да и детей своих стараюсь научить жить по тем же законам. Жить и надеяться на лучшее.

Расспрашивала сударь
Изабелла ВЕРБОВА.
Фото Григория ШПУНЬКИНА.